

УДК 398.224(=1.571–81)
DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-111-118

Военная культура в героических сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока

С. А. Унру

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация

Автор статьи анализирует героические сказания народов Сибири и Дальнего Востока, в которых нашли отражение исторические факты межэтнических контактов, носивших как мирный, так и конфликтный характер. В устном народном творчестве разных северных этносов, при всех обусловленных этнокультурными и историческими факторами отличиях сюжета, обнаруживается сходство, поднимающее этническое содержание на уровень общечеловеческих ценностей. Это сходство касается военной культуры, которая рассмотрена автором на примере фольклора тунгусо-маньчжурских, обско-угорских и палеоазиатских народов. Эпические произведения транслируют осознание этносом вреда, приносимого войной. Высокие по статусу персонажи призывают к миру и прекращению войн. Через описание этики ведения военных действий, формулы призыва к миру фольклор формирует культуру межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова

коренные народы Сибири и Дальнего Востока, героические сказания, межэтнические контакты, военная культура, традиционная этика

Для цитирования

Унру С. А. Военная культура в героических сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 111–118. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-111-118

Military culture in the heroic epics of the peoples of Siberia and the Far East

S. A. Unru

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation

Abstract

The paper studies the military culture of indigenous peoples in heroic epos of the Tungus-Manchurian, Ob-Ugric, and Paleo-Asiatic peoples. The Evenki folklore reflects the period of wars with Changites and Deptygirs. The descriptions of the bogatyr's battles with enemies show a special formula condemning the confrontation. High-status characters warn the warriors of their responsibility to the spirits for the destruction. In Chukchi and Koryak folklore, some peoples unite to fight against others for land and deer herds. The heroes protect the community and family honor by following the custom of blood feuds. There are still legends about wars and ancestors' attempts to make a truce. The main Khanty and Mansi heroic tales are about the military campaigns for matchmaking or blood feuds, fights for deer, and territorial claims, the plots often ending with a peace agreement. Also, the battle could be for deer herds, grazing, prisoners, often resulting in bloodshed. One enemy would be left alive to inform tribesmen about the end of the war. The legends describe peace agreements confirmed by a joint meal. Folklore translates the peaceful life value and condemns war. The relations of Siberian and Far Eastern ethnic groups have been developing for centuries. They share the history of struggle for territories and resources, marriage and trade relations, heroic competitions. Northern ethnic

© С. А. Унру, 2021

ISSN 2312-6337
Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

legends tell about the contacts and wars with the nearest neighbors and the importance of peaceful coexistence. The folklore descriptions of military ethics and formulas calling for peace form a culture of inter-ethnic interaction.

Keywords

indigenous peoples of Siberia and the Far East, heroic epos, interethnic contacts, military culture, traditional ethics

For citation

Unru S. A. Voennaya cultura v geroicheskikh skazaniyah narodov Sibiri i Dalnego Vostoka [Military culture in the heroic epics of the peoples of Siberia and the Far East]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 111–118. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-111-118

Фольклор является ценным источником изучения военной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. В устном народном творчестве нашли отражение исторические факты межэтнических контактов, которые носили как мирный, так и конфликтный характер. Изучая героические сказания разных по происхождению северных этносов, при всех обусловленных этнокультурными и историческими факторами отличиях сюжета можно обнаружить сходство, поднимающее этническое содержание на уровень общечеловеческих гуманистических ценностей. Это сходство касается военной культуры, которую мы рассмотрим на примере фольклора тунгусо-маньчжурских, обско-угорских и палеоазиатских народов.

В эвенкийском фольклоре отражен период войн с конкретными историческими племенами – чангитами и дептыгирами [Воскобойников, 1965, с. 22]. Представления о враге связаны с исчезнувшими народами, которые когда-то были противниками эвенков. Иноплеменники проявляют коварство, нападая во сне, опоив героя или соблазнив его сестру. Фольклорные произведения транслируют осознание этносом вреда, приносимого войной. В описаниях битв богатырей с врагами присутствует особая формула, порицающая противостояние. В сказании «Иркисмондя – богатырь» описываются разрушительные последствия битвы: разбегаются дикие звери, не размножается домашний скот, не растут деревья, вянет трава, не выдерживают больные и слабые, не рождаются дети. К прекращению битвы призывает царь эвенков: «Услышав о таком разрушении, пришел родившийся на верхней земле глава далекой страны, князь великого города, царь эвенков и ласковыми словами начал их уговаривать, прося: <...> “Вы произвели в этих местах неисчислимые разрушения, поэтому и послушайте мои слова. Если не послушаетесь, не выдержит дух-хозяин этой глинистой страны. Если он рассердится, наверняка будет худо. Вы сами не сможете искупить свою вину за разрушения! Поэтому, несмотря ни на что, кончайте [битву]”, – говорит» [Романова, Мыреева, 1971, с. 233]. Увещевают богатырей закончить сражение высокие по статусу персонажи, которые предупреждают об ответственности перед духом-хозяином за произведенные разрушения. Старшая дочь солнца Симэксин-старуха сказала: «...Какими бы вы ни были сильными богатырями, не завидуйте силе друг друга. Если кто из вас и одолеет [другого], все равно не возместит тот ущерб, который вы причинили... Не переоценивайте себя, пожалейте растительность, малых детей и бесчисленный скот всех трех Сибир-земель! <...> Если же не прислушаетесь к моей просьбе, [то] мы вместе с разрушенной вами землей обвиним [вас] так, что вы пожалеете!» [Там же, с. 234].

В преданиях эвенков транслируется запрет на убийство: побежденный Ирэглинде говорит, что победитель опорочит свое безвинное имя, убив человека. «Хуркокчон верхней земли, подожди, послушай! Мои страстные слова пойми разумом, прочувствуй нутром, раскрой уши! За какую вину ты так расправился со мной? Я никогда плохого тебе не делал. Ведь человек-аи не должен убивать человека-аи! Говорят, большой грех, если он убьет. Поэтому не лишай меня жизни. Теперь я с тобой не буду спорить. Меня не убивай» [Там же, с. 257].

Чукотские предания о военных столкновениях («времен раздоров вести») дают представление о военной культуре целого ряда народов. Многовековое соседство чукчей, эскимосов, коряков, ительменов, кереков, чавчуменов обусловило их постоянные контакты. Это не только взаимобластные отношения и торговый обмен, но и конфликтные ситуации, где одни народы объединяются в борьбе против других за уголья и стада оленей. Герои преданий защищают честь общины или семьи, соблюдая обычай кровной мести, что приводит к нескончаемому кровопролитию.

А. К. Нефедкин выделяет «два стереотипа ведения войны: 1) против хорошо знакомых соседних народов, с которыми старались воевать “цивилизованными” средствами: войну объявляли заранее, давали время на подготовку к бою, иногда отпускали пленных; 2) против постоянных врагов, к которым испытывали закоренелую ненависть; с ними вели войну на поражение: предпочитали нападать неожиданно, убивали пленных мужчин, а женщин и детей уводили в рабство» [2003, с. 216]. В большинстве чукотских героических сказаний, посвященных столкновениям с коряками, преобладает первый стереотип ведения войны. Например, в одном из рассказов, когда Элленут с отрядом подъезжает к селению таньгов (врагов, иноплеменников), его радушно встречают и угощают едой перед боем.

Фольклор свидетельствует о сложных взаимоотношениях чукчей и коряков. В сказаниях о Кунлелю, записанных В. В. Лебедевым, содержится информация о мирном сосуществовании двух народов: «Кунлелю был старший из братьев. Кочевали они тогда в низовьях реки Великой на южном берегу Анадырского лимана. Там были их земли, все остальное считалось таньгитское. Однако некоторые чукчи кочевали с таньгит. После первой войны, когда Кыты был, все помирились. Хорошо жили» [Лебедев, Симченко, 1983, с. 98]. Хрупкий мир нарушается провокатором, который планировал получить выгоду от столкновения чукчей и коряков. В сборнике О. Е. Бабозиной «Сказки Чукотки» опубликовано сказание «Три друга», в котором описывается борьба Кунлелю с коварным таньгитом, который спровоцировал столкновения между чукчами и таньгитами после установившихся мирных отношений, за что и был наказан. Найдя виновного, отряд Кунлелю расправляется с ним и его людьми, наступает мир: «Пришли они в селение, связали Мотлынто. <...> Заставили его стадо гнать с завязанными руками. <...> Так они мстили человеку, который всех обманул, большое зло сделал <...> Гонит Мотлынто свое же стадо. Потому что очень на него чукчи рассердились. Мстят ему за предательство, за обман. Из-за него столько невинных людей погибло! Прибыли наконец домой. Там убили Мотлынто. И с тех пор стали жить без войн. Совсем перестали воевать» [Сказки Чукотки, 1958, с. 145].

В другом варианте сказания о Кунлелю, опубликованном в сборнике «Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки», герою и его братьям приходится несколько раз отбивать нападение врагов, но храбрость и превосходство сил чукотских воинов приводит к миру: «Видят враги, не справиться им с Кунлелю. Примирились они с этим. Перестали приходиться, не стало больше войн. Стали все мирно жить» [Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 301].

Таким образом, Кунлелю – предок чукчей – является поборником справедливости, мстителем за невинно убитых людей и миротворцем. Кунлелю и его братья защищают обездоленных, уничтожают провокатора и кровожадных воинов, которые разрушают все на своем пути. Причем порок наказывается независимо от того, кем он представлен – чукчей-соплеменником или коряком.

Часто последнего оставшегося в живых врага отправляют домой с целью извещения остальных, чтобы больше не вели войн с чукчами. Так заканчивается сказание об охотнике Кэчгынтававе: «Утром, как рассвело, нагрузил охотник своего пленника мясом и повел к себе домой. Привел, жена-старуха не велит пленника убивать, говорит: – Нельзя его убивать. Отпусти его лучше и накажи ему, чтобы передавал всем своим людям – пусть перестанут грабить и убивать чавчуженов. Охотились бы лучше, рыбу ловили, травы и коренья собирали. Многих наших людей танги ограбили, на голодную смерть обрекли. <...> Отпустил пленника через три дня. С тех пор танги стали реже нападать. Многие таких врагов отпускали. А потом танги и совсем перестали разбойничать» [Там же, с. 490].

В трудах В. Г. Богораза зафиксированы тексты о сражениях с отрядами русских казаков [Антропова, 1957, с. 186]. Герой одного из сказаний, изданных в сборнике «Сказки и мифы народов Чукотки», оленевод Лявтылевал, благородно отпускает побежденного в единоборстве соперника. Причиной войны стало стадо оленей, угнанное врагами. Нападавшие проучены и в следующий раз обходят ярангу стороной [Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 310–312]. Отпускают последнего выжившего и в корякском сказании «Ымка», в финале враги решают прекратить войны [Там же, с. 470].

Несмотря на воинственный характер персонажей, в героических сказаниях палеоазиатских народов так же, как и в эвенкийских сказаниях, звучат слова о вреде войн и сражений и призыв прекратить их: «Вельвынэлевыйт очень ловок был, храбрый мужчина. <...> Вельвынэлевыйт был очень богатый оленевод. <...> И вот была в старину война. Потому что эти три брата на всех страх наводили. Всех мужчин бивал Вельвынэлевыйт. Но бедного, безоленного, не имеющего одежды он не трогал. Наоборот, давал ему шкур, мяса, оленины и говорил: – Это ведь товарищ! Когда придут враги, будет нам помогать.

<...> И действительно, пришли враги. И действительно, помогли Вельвынэлевиту товарищи. Очень ловок Вельвынэлевит. И братья его очень ловки. Победил Вельвынэлевит, всех врагов убил [Сказки и мифы народов Чукотки..., 1974, с. 307–308]. Вот с этих пор и не стало войн. Вельвынэлевит говорит: – Если будем еще воевать, совсем не станет мужчин. Хватит, перестаньте воевать! В войне ничего хорошего нет. Одно только плохое. Пусть с этих пор все мужчины будут друзьями! А то жены, дети, девочки, мальчики от голода умирают, когда воюют отцы. Так прекратились войны» [Там же, с. 310].

Героическое сказание о борьбе оленевода Лявтылевала против пришельцев-захватчиков «с противоположного берега Колымы» также закончится призывом людей к миру, к прекращению войн: «С этих пор перестал воевать Лявтылевал. Говорит: – Хватит нам воевать! Со всеми этими мужчинами будем дружно жить. Если долго воевать, то оставшимся в живых и детям нашим плохо будет после войны: ни друзей, ни земли, ни мужчин у них не будет. Послушайте меня, перестаньте воевать! Пусть будет с этих пор всем хорошо! Вот с тех пор войны прекратились» [Сказки и мифы народов Чукотки..., с. 312].

Гуманитарную миссию несет Кытгы – сестра героя чукотских сказаний Кунлелю, призывая к прекращению войн всех людей, в стойбища которых приходит: «Поверили кереки. Вырыли ей возле полога яму, приготовили место, где прятаться. Так она и жила. Женился на ней один керек. Она там и родила в яме. Родила девочку. А когда стали враги приближаться, убежала. Куда ни придет, везде ее прячут. Опять на ней кто-нибудь женится. И опять она родит. Как только родит, говорит тамошним: – Никогда вам не победить Кунлелю. Давайте-ка лучше перестанем воевать! Хватит! Пусть все люди живут в мире! Ведь Кунлелю и его товарищи ловкие, ничего вы с ними не сделаете. Пусть люди дружат! Когда обошла она всю землю, только тогда наступил мир. Куда бы она ни приходила, женились на ней, а она рожала. Обошла всю землю. И прекратилась война. Прославилась Кытгы, сестра Кунлелю. Стали ее называть “Кытгы-создающая”. Кытгы не любила войны. Всё» [Сказки и мифы народов Чукотки..., с. 312–313]. Жизнь и созидание символически противопоставлены здесь смерти и разрушению, а женщина, объединившая враждующих кровными узами, является аллегорией мира.

Сказания о войнах и попытках предков заключить перемирие бытуют среди чукчей до сих пор. Студентке института народов Севера РГПУ им. А. И. Герцена С. Асадовой удалось записать ряд таких сказаний и издать их. В одном из них говорится о неудачной попытке враждебных племен заключить перемирие: «... в давние времена родовые племена вели между собой войны за пастбища. Много людей погибло. Племена беспощадно убивали друг друга. Вожди племен решили прекратить эти бессмысленные войны и договорились собраться на свободной земле, чтобы провести переговоры. Для этого они выбрали маленькую сопочку в долине возле Ушканского хребта. В назначенный день вожди собрались в условленном месте. Они уселись на землю в круг, положив руки на колени, чтобы все видели, что оружия ни у кого нет. В самый разгар переговоров, когда вроде бы уже договорились о мире, один из вождей позволил себе с насмешкой, непочтительно отозваться о вожде другого племени. Оскорбленный сын вождя метнул в обидчика копьё. Тут же все забыли, для чего собрались. Началась страшная резня. Мало кто остался тогда живым. Очевидцы рассказывали, что вся земля на этой маленькой сопке была залита кровью» [Асадова, 2010, с. 54]. В сказании отражено осознание бессмысленности войны, необходимости прекратить кровопролитие.

В фольклоре палеоазиатских народов герои часто проявляют хитрость в войнах с другими народами, сказания подробно описывают вооружение противоборствующих сторон, тренировки воинов, заключение союзов с теми или иными племенами, предательства и провокации, нарушающие мир. Причиной столкновений являлись олени стада, пастбища, захват пленных, кровная месть. Герои, как и в эвенкийском эпосе, призывают к миру.

Военная культура обских угров, имеющая свою историческую специфику, также хорошо представлена в фольклоре. Не всегда мирные контакты хантов и манси с ненцами, селькупам, русскими, коми-ижемцами отражены в героических сказаниях и сказках. Основные темы героических сказаний – это военные походы богатырей с целью сватовства либо кровной мести, столкновения из-за оленей, а также на почве территориальных претензий. Обычно в фольклоре обских угров зачинщиками войны выступают именно ненцы. В сказании «Нападение ненцев» война заканчивается перемирием, но все ненецкое стойбище «в сто чумов» вымирает от неизвестной болезни. В первой части сказания предудительная невестка, заметив ненцев, предупреждает мужа и готовит лодку к отступлению, осталь-

ные ханты погибли в схватке с ненцами: «Давно люди между собой воевали. Люди ездили на Обь ловить рыбу. На Казыме решили ночевать. Вечером невесту взяли с Оби, она говорит свекрови: – Когда разводили костер, двоих с кольчугами видела. Свекровь ругаться стала: – Зачем народ пугать, чего болтаешь. А когда спать легли, мужу сказала: – Не спи, сходи лодку приготовь. ... Не спят, смотрят, с яра стали люди спускаться. С мужем побежали в лодку, перешли реку и на гриве скрылись. Всех оставшихся убили. После этого казымские ханты и северные ненцы поклялись (имеется в виду клятва не воевать друг с другом)» [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 118].

В предании «Чипэн-ку» о набеге народа Ахыс-ях на хантов мирный исход объясняется могуществом хантыйского шамана, напугавшего врагов своими шаманскими фокусами. «Ахыс-ях приехали. Один мужик с женой жил, он Чипэн-ку, колдун. Ахыс-ях зашли, их семеро. <...> Раз смотрят – глаза из пола. Они боятся:

– Убирай змей!

Чипэн-ку говорит:

– Вы же воевать пришли.

– Мы по-доброму пришли, не воевать.

Всё исчезло».

Затем шаман наслал на пришельцев лебедя и двух медведей, после чего испуганные ахыс-ях предлагают откуп: «Главный среди Ахыс-ях говорит:

– Поезжай ко мне на нарте, двух быков, шкуру, кумыш, малицу и кисы — всю одежду сделаем, поезжай к нам».

Шаман требует прекратить нападения: «Если вам жить хочется, уезжайте назад. Дальше еще один колдун сильнее меня есть». Сказание заканчивается тем, что испуганные Ахыс-ях возвращаются назад [Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 174–175].

Как отмечает Н. В. Лукина, ссылаясь на «Материалы по фольклору хантов», в преданиях обских угров «присутствует и мотив замирения», а в некоторых рассказах даже подчеркивается, что «остяки с Ермаком не воевали» [Лукина, 1990, с. 50]. Вообще современному населению присуще понимание необходимости жить мирно. Один из рассказчиков так заканчивает повествование о прошлых военных столкновениях: «Сейчас ненцы, ханты — все вместе живут» [Там же].

По данным фольклора, нападая на манси, ненцы отбирали оленей, а детей и женщин уводили в плен. Известно, что для прекращения войны между остяками и самоедами была заключена «клятва вечного мира», скрепленная человеческой кровью и совместной трапезой у священной лиственницы [Манси махум..., 2015, с. 173] После этого военные конфликты стали утихать и постепенно сошли на нет. Как отмечает Т. Д. Слинкина, «манси, на основе исторической памяти, недружелюбно относились к ненцам, но теперь живут рядом, создают семьи» [Там же].

Мировым соглашением заканчивается сказание «Богатырь и связной», которое повествует о столкновении с селькупамы богатыря-предка хантов р. Васюган. Пришельцы захватили жену героя: «Обские Ас-ях пришли, у него жена красивая была, ее захватили. Он нырнул, на той стороне Нюрольки вынырнул» [Мифы, предания, сказки хантов и манси, 1990, с. 169] Похищенная женщина показывает мужу дорогу метками и хитростью вынуждает похитителя снять шапку, чтобы в голову попала стрела: «Обской богатырь говорит жене этого богатыря:

– В голове ищи!

Голову ей на колени положил, она говорит:

– Шапку сними! <...> Он снял шапку, тот его из самострела убил. Одного богатыря оставил, говорит:

– Не ходите больше сюда» [Там же].

Как и в чукотском героическом эпосе, в хантыйском отражена традиция оставлять одного воина противоборствующей стороны в живых, чтобы он сообщил остальным о прекращении набегов. Противостояние заканчивается мировым соглашением: «Опять Ас-ях пришли. Говорят:

– Попался!

– Обождите! <...>

Под чувалом у него выход был, он вылез и убежал. Позвал богатырей. <...> Эти сидят в избе, ждут. Мировую сделали. Вина тогда не было, мухоморы съели, а Анкаля не ест. Те все уснули. Он каждому кинжал к горлу приставляет:

– Всех бы зарезал, если бы не мировая. Всех я обхитрил!» [Там же].

Война хантов с русскими, завершающаяся миром по приказу Белого царя, описывается в сказании «Золотоволосый Царь». Сюжет сказания основан на вероломстве жены остяцкого царя, предавшей мужа ради богатыря из войска, пришедшего с далекого моря. Не имея возможности победить предводителя хантов в открытом бою, богатырь вражеского войска подговаривает жену богатыря надрезать его лук и нападает ночью. Беззащитного предводителя хантов легко убивают: «Тогда войска отрезали ему голову с золотыми волосами и увезли ее далеко, за большие воды, на край моря, к другому белому царю – “Наги-кан”» [Шатилов, 1931, с. 25]. Белый царь недоволен убийством остяцкого царя и прекращает войны: «Увидал “Наги-кан” голову с золотыми волосами и разгневался, загремел оружием и говорит: “войска мои, зачем вы убили его, лучше бы живым взяли и привезли ко мне, а то остяцкого царя убили, золотоволосого остяцкого царя “–Сарнянг-автав-кантах-кан” убили!»

И велел царь казнить те войска, и поклялся больше не воевать в тех местах» (сохранено оформление текста источника. – С. У.) [Там же].

По материалам обско-угорского фольклора, конфликты хантов и манси с народами, проживающими на соседних территориях, основывались на похищении женщин, спорах из-за оленей и территорий. Герои хантыйского эпоса постоянно проявляют различные хитрости в военных действиях: разведка, захват врага врасплох, убийство во сне, поджог, заманивание в ловушку, побег через потайной выход, выдача себя за другого человека. Хитрость у хантов приравнивается к мудрости [Сказки, предания и былички..., 2012, с. 27]. Богатыри оставляют в живых последнего врага, чтобы он сообщил своим о прекращении войны. В преданиях описываются мирные соглашения на основе «клятвы вечного мира», скрепленной кровью и совместной трапезой.

Таким образом, в сказаниях народов Сибири и Дальнего Востока транслируется ценность мирной жизни, порицается война. Отношения множества народов, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока, складывались столетиями; этносы связывает история борьбы за территории, брачных и торговых отношений, богатырских состязаний. Фольклор северных народов сохранил не только память об истории контактов с ближайшими соседями и войнах с ними, но и представления о важности мирного сосуществования. Через описание этики ведения военных действий, формулы призыва к миру фольклор формирует культуру межэтнического взаимодействия. В результате каждый этнос находит свое место в мире и те способы адаптации, которые позволяют ему успешно существовать в полиэтничной среде и творить свою историю на протяжении столетий.

Список литературы

Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-востока Сибири // Сибирский этнографический сборник. М.; Л., 1957. Т. 2. 245 с.

Асадова С. Сказки бабушки Тымнеквыной. М.: Детство. Отрочество. Юность, 2010. 63 с. (На рус. и чукот. яз.).

Баландин А. Н. Язык маньсийской сказки / Под ред. А. И. Емельянова; Главсевморпуть при СНК СССР, Науч.-исслед. ассоциация Ин-та народов Севера им. П. Г. Смидовича. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. 80 с.

Воскобойников М. Г. Бытовые предания эвенков // Языки и фольклор народов Крайнего Севера: Сб. статей / Отв. ред. М. Г. Воскобойников. Л.: Б. и., 1965. С. 63–108. (Ученые записки Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена; Т. 269).

Земля Кошачьего Локотка = Кань Куни Олйу / Сост. Тимофей Молданов. Томск: Изд-во ТГУ, 2001. Вып. 2. 244 с. (На хант. и рус. яз.).

Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. М.: Мысль, 1983. 143 с.

Лукина Н. В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хантыйского, маньсийского, немецкого языков / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1990. С. 5–58. (Сказки и мифы народов Востока).

Маньси махум пёс йис эргыт = Старинные песни народа манси. В записи Берната Мункачи, 1888–1889 гг.: Науч. издание / Авт.-сост. Т. Д. Слинкина, отв. ред. Е. И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2015. 232 с. (На манс. и рус. яз.).

Мифы, предания, сказки хантов и манси: Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Лукиной, под общ. ред. Е. С. Новик. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1990. 568 с. (Сказки и мифы народов Востока).

Нефедкин А. К. Военное дело чукчей (середина VII – начало XX в.). СПб.: Петербург. востоковедение, 2003. 93 с.

Романова А. В., Мыреева А. Н. Фольклор эвенков Якутии / Под ред. Г. М. Василевич. Л.: Наука, 1971. 334 с.

Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки (азиатские эскимосы, чукчи, кереки, коряки и ительмены) / Сост., предисл. и примеч. Г. А. Мелетинского. М.: Наука, 1974. 645 с.

Сказки, предания и былички верхнесосьвинских манси / Авт.-сост. М. В. Кумаева. Ханты-Мансийск: Юграфика, 2012. 176 с.

Сказки Чукотки / Записала О. Е. Бабошина; под ред. и с предисл. Д. Нагишкина. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1958. 263 с.

Шатилов М. Б. Ваховские остяки: (Этнографические очерки). Томск: Издание Томского Краевого Музея, 1931. 285 с. (Труды Томского Краевого Музея; Том IV).

References

Antropova V. V. Voprosy voennoy organizatsii i voennogo dela u narodov Kraynego Severo-vostoka Sibiri [Questions of military organization and military affairs among the peoples of the Far North-East of Siberia]. *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Moscow, Leningrad, 1957, vol. 2, 245 p. (In Russ.).

Asadova S. *Skazki babushki Tymnekvynoy* [Tales of granny Tymnekvyna]. Moscow, Childhood, Adolescence, Youth, 2010, 63 p. (In Russ., in Chukchi).

Balandin A. I. *Yazyk mansiyskoy skazki* [The language of the Mansi tale]. A. I. Emel'yanov (Ed.). Moscow, 1939, 78 p. (In Russ.).

Lebedev V. V., Simchenko Yu. B. *Achayvayamskaya vesna* [Achaivayam spring]. Moscow, 1983. 143 p. (In Russ.).

Lukina N. V. Predislovie [Introduction]. In: *Mify, predaniya, skazki khantov i mansi* [Myths, legends, tales of the Khanty and Mansi]. Per. s khantyyskogo, mansiyskogo, nemetskogo yazykov. Compilation, preface and notes by N. V. Lukina, general edition by E. S. Novik. Moscow, Nauka, 1990, 568 p. (Skazki i mify narodov Vostoka [Tales and myths of the peoples of the East]). (In Russ.).

Mansi mahum pes yis ergyt = Starinnye pesni naroda mansi. V zapisi Bernata Munkachi, 1888–1889 gg. [Ancient songs of the Mansi people. In the notes of Bernat Munkachi, 1888–1889]: scientific edition. Auth.-comp. T. D. Slinkina; ed. by E. I. Rombandeeva. Khanty-Mansiysk, Yugra format, 2015, 231 p. (In Mansi, in Russ.).

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, tales of Khanty and Mansi]. Per. s khantyyskogo, mansiyskogo, nemetskogo yazykov. Compilation, preface and notes by N. V. Lukina, general edition by E. S. Novik. Moscow, Nauka, 1990, 568 p. (Skazki i mify narodov Vostoka [Tales and myths of the peoples of the East]). (In Russ.).

Нефедкин А. К. *Voennoe delo chukchey (seredina VII – nachalo XX v.)* [Warfare of the Chukchi (mid XVII – early XX centuries)]. St. Petersburg, 2003, 93 p. (In Russ.).

Romanova A. V., Myreeva A. N. *Fol'klor evenkov Yakutii* [Folklore of Evenki of Yakutia]. Leningrad, Nauka, 1971, 330 p. (In Russ.).

Шатилов М. Г. *Vakhovskie ostyaki: (Etnograficheskie ocherki)* [Vakhovsky ostyaks (Ethnographic essays)]. S. Parkhimovicha (Ed.). Tomsk, Izdanie Tomskogo Kraevogo Muzeya, 1931, 285 p. (Trudy Tomskogo Kraevogo Muzeya; T. 4 [Works of the Tomsk Regional Museum, vol. IV]). (In Russ.).

Skazki Chukotki [Tales of Chukotka]. Collect. by O. E. Baboshina; ed. by D. Nagishkina. Moscow, Gos. izd-vo khud. lit-ry, 1958, 262 p. (In Russ.).

Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki (aziatskie eskimosy, chukchi, kereki, koryaki i itel'meny) [Tales and myths of the peoples of Chukotka and Kamchatka (Asian Eskimos, Chukchi, Kereks, Koryaks and Itelmen)]. Moscow, Nauka, 1974, 645 p. (In Russ.).

Skazki, predaniya i bylichki verkhnesos'vinskikh mansi [Fairy tales, legends and stories of Upper Sosva Mansi]. M. V. Kumaeva (Author-comp.). Khanty-Mansiysk, Yugrafika, 2012, 176 p. (In Russ.).

Voskoboynikov M. G. Bytovye predaniya evenkov [Household legends of the Evenki]. In: *Yazyki i fol'klor narodov Kraynego Severa* [Languages and folklore of the peoples of the Far North]. M. G. Voskoboynikov (Ed.). Leningrad, 1969. 266 p. (In Russ.).

Zemlya Koshach'ego Lokotka = Kan' Kunsh Oläj [The Land of the Cat's Elbow]. Timofey Moldanov (Comp.). Tomsk, 2001, iss. 2, 244 p. (In Khanty, in Russ.).

Сведения об авторе

Унру Софья Александровна – кандидат культурологии, доцент, Институт народов Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: nkult@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4567-8910

Information about the Author

Sofya A. Unru – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Institute of the Peoples of the North, The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation)

E-mail: nkult@yandex.ru

ORCID 0000-0002-4567-8910